

Пролог

6 марта, 23:15

В манхэттенском Нижнем Ист-Сайде стояла холодная, сырая, ветреная, пасмурная ночь. Хотя весеннее равноденствие было совсем близко, зима не сдавалась. Будто чтобы доказать это, редкие упрямые снежинки, кружась, падали из низких густых туч, бурлящих, как ведьминское варево. При температуре чуть выше ноля микроскопическая филигрань их невыразимо прекрасных кристаллических структур, едва коснувшись поверхности земли, немедленно превращалась в обыкновенные капельки воды. А вот атмосфера в уютно обставленной квартире с одной спальней на 23-й улице резко контрастировала с таким бессмысленным уничтожением творений природы. В помещении, где было тепло в буквальном и переносном смысле этого слова, началась череда происходящих на клеточном уровне событий, которые в конечном счете являлись полной противоположностью распаду снежинок. Здесь должно было произойти явление куда более высокого порядка и сложности, инициированное мощным вбросом более ста миллионов целеустремленных сперматозоидов в свод влагища.

Индивиды, вовлеченные в этот любовный акт, пребывали в блаженном неведении относительно удивительного действия, которое они вызвали, и о его катастрофических последствиях для них обоих. Совершенно опьяненные страстью момента и отказавшись от противозачаточных, они и не задумывались

о возможности почти мгновенного высвобождения готовой к оплодотворению яйцеклетки из правого яичника женщины. Не задумывались они и о том, сколь решительно намерение сперматозоидов соединиться с детородной клеткой соответствующей системы женского организма.

Два с половиной часа спустя, когда удовлетворенная женщина крепко спала, равно как и вернувшийся к себе домой мужчина, самый быстрый сперматозоид, завершив рискованный титанический марафон по дебрям вагины к дальнему концу правой фаллопиевой трубы, во всеоружии столкнулся с инертно опускающейся яйцеклеткой. Ведомый неодолимым рефлексом, сперматозоид-победитель быстро пробрался сквозь облако окружающих яйцеклетку фолликулярных клеток и достиг ее твердой оболочки. Мгновение — и он ввел свой пронуклеус в яйцеклетку, чтобы его двадцать три хромосомы составили пары ее двадцати трем, создав полноценную человеческую клетку с сорока шестью хромосомами, образующими комплект. Теперь яйцеклетка превратилась в зиготу.

Таким образом в эту гнусную нью-йоркскую ночь произошло одно из самых поразительных чудес в изученной вселенной: генез, то есть возникновение человека. И хотя сейчас число эпизодов зачатия по всему миру в течение дня приближается к ошеломляющим тремстам пятидесяти тысячам, замутняя радость людей от возможности воспроизводить себе подобных, каждый из этих эпизодов запускает процесс поистине удивительной, потрясающей сложности. Ведь одна-единственная клетка — человеческая зигота, которую едва ли можно увидеть невооруженным глазом, — содержит в своем микроскопическом

каталоге ДНК все данные и инструкции, необходимые для формирования тела и управления им. Это означает, что без какого бы то ни было дополнительного информационного ввода одноклеточная зигота способна координировать возникновение приблизительно тридцати семи триллионов клеток двухсот разновидностей, а также нескольких миллиардов чрезвычайно специфичных макромолекулярных белков, которым предстоит сформироваться в соответствии с четкими стандартами в строго определенное время, в строго определенном количестве и в строго определенном месте. Один только человеческий мозг с его ста миллиардами клеток и более чем ста триллионами синаптических связей вполне может оказаться самой сложной структурой во вселенной.

Одиннадцатого марта, спустя пять дней после того, как любовный акт положил начало очередному чуду человеческого геноза, быстро развивающийся эмбрион достиг матки, чтобы начать имплантацию в ее стенку. Вскоре он даст знать о своем существовании, провозгласив начало беременности. С этого момента все, что необходимо для рождения приблизительно через девять месяцев человеческого младенца, — это поступление основных питательных веществ, удаление шлаков и защита от физических повреждений. К несчастью, в нашем случае все сложилось иначе.

5 мая, 22:05

Душ для двадцативосьмилетней сотрудницы социальной службы Керы Якобсен служил своего рода опытом дзена, особенно после тяжелого дня,

к которым, по идее, субботы не относились. Осторожно, чтобы не поскользнуться на предательски гладкой фарфоровой поверхности изогнутой ванны, Кера залезла внутрь и задернула занавеску. Она уже настроила свою любимую температуру, при которой вода почти обжигала. Старательно намылив все тело, она принялась скрести кожу щеткой на длинной ручке, вспенивая ароматный гель, чтобы смыть накопившее за день напряжение и смягчить общее беспокойство. В последнее время у Керы было с избытком и того, и другого.

Она жила в Нью-Йорке чуть меньше полугода. Решение о переезде в Большое Яблоко¹ было довольно спонтанным. Кера выросла в Лос-Анджелесе, там же получила степень магистра и место социального консультанта в детской больнице «Маттел» при родном университете. Ее специализацией была работа с детьми, нуждающимися в сложном медицинском уходе, а также их семьями: напряженная, зачастую изматывающая область, хотя в конце концов такой труд приносил моральное удовлетворение. Несомненно, ее усилия давали плоды, служили важным дополнением к работе врачей и медсестер, которые, что вполне понятно, лишь лечили или купировали симптомы заболеваний, но не помогали пациентам и их близким справляться с тяжелой ситуацией. Кера чувствовала себя полезной и получала удовольствие от своей работы. Но когда в конце сентября студент-медик Роберт Барлоу неожиданно положил конец их долгому роману, весь ее мир

¹ Одно из неофициальных названий Нью-Йорка. — *Здесь и далее примеч. пер.*

содрогнулся. Они встречались два с половиной года и частенько ночевали друг у друга. Благодаря схожим интересам, включая даже общие либеральные взгляды, им всегда было о чем поговорить, а иногда речь заходила и о планах на предположительно совместное будущее. Роберт намеревался пройти хирургическую интернатуру в одном из известных академических медицинских центров, предпочтительно в Лос-Анджелесе, а если не получится, то в Сан-Франциско. Он надеялся, что такому усердному студенту дадут возможность выбирать. В случае если Роберт поедет во Фриско, Кера собиралась последовать за ним. Обладая безупречными дипломами, она не сомневалась, что сможет устроиться на работу в любой медицинский центр.

Но всему этому не суждено было произойти, и Кера до сих пор понятия не имела, что послужило причиной разрыва, хотя из медицинского центра университета Лос-Анджелеса доходили слухи, будто Роберта частенько видят в обществе одной из специализирующихся на хирургии студенток-медичек. Однажды жарким днем, когда над Лос-Анджелесом висела дымовая завеса, Барлоу без какого-либо предупреждения в лоб заявил, что их отношениям с Керой конец.

После столь грандиозной оплеухи, которую получила ее самооценка, Кере остро потребовалось сбегать. Общие друзья не прекращали спрашивать, что случилось у них с Робертом, изображали сочувствие, но на самом деле получали удовольствие от драматичности ситуации и сплетен. Кроме того, постоянно существовала опасность случайно наткнуться на бывшего возлюбленного в медцентре или неподалеку от него.

Вдобавок ко всему, Кера всегда питала слабость к Нью-Йорку, устала от однообразия погоды в Лос-Анджелесе, ежегодных лесных пожаров и вечной угрозы землетрясений, исходящей от разлома Сан-Андреас. Через несколько недель после шокирующей новости, которую сообщил Роберт, она решила обернуть эмоциональную встряску себе на пользу и переехала на другой конец страны.

Смыв гель, она выдавила на ладонь шампунь и стала мыть голову. Это была ее любимая часть водных процедур; Кера всегда сильно взбивала пену и массировала кожу, стараясь выгнать из головы все лишнее.

Вначале переезд в Нью-Йорк состоял из сплошных плюсов, не считая разве что недовольства сестры и матери, которые ужасно по ней скучали. Еще до отъезда из Лос-Анджелеса Кере удалось устроиться в медицинский центр Лангоуна, точнее, в детскую больницу Хассенфельд, так что проблем с работой не ожидалось. С жильем тоже повезло: на доске объявлений сайта Лангоуна она нашла сообщение медсестры, которая решила вступить в Корпус мира и сдавала в субаренду квартиру с мебелью почти на углу 23-й улицы и Второй авеню. Но еще более важным с точки зрения самооценки стал головокружительный роман с привлекательным, образованным и куда более зрелым, чем Роберт, мужчиной, с которым Кера познакомилась во время декабрьских праздников.

К несчастью, жизнь сделала еще один неожиданный и неприятный поворот, и Кера снова начала сомневаться в своих суждениях, упрекая себя в излишней доверчивости. Ей пришлось опять столкнуться с разочарованием и пошатнувшейся самооценкой — возможно, она и не была полностью выбита из седла,

как после истории с Робертом, но все же лишилась душевного равновесия настолько, чтобы всерьез подумывать о переезде обратно в Калифорнию. Как и ожидала Кера, мама с сестрой пришли в восторг, когда она позвонила им, чтобы обсудить свое возможное возвращение, хотя родичей и озадачила такая внезапная перемена планов: всего месяц назад в таком же телефонном разговоре Кера хвасталась, до чего счастливо живет в Большом Яблоке. Не желая посвящать родных в подробности, она просто продолжала твердить, что наконец осознала, как важны для нее семейные связи. От собственной неискренности внутри поднялась волна стыда, но истина заключалась в том, что Кера пока не приняла окончательного решения. У нее до сих пор оставалась некоторая надежда, что все может наладиться, хотя шансы и были невелики.

Убедившись, что и мыло, и шампунь смыты, Кера выключила душ и с банным полотенцем в руках вылезла из ванны. Потом нагнулась и быстро вытерла полотенцем свои густые волосы, длинные, но не чрезмерно, — она считала их единственным вкладом, который сделал в ее жизнь равнодушный отец. Выпрямившись, Кера безотчетно кинула взгляд в большое зеркало, которое висело на двери ванной, но сразу осознала, что́ делает, и засмеялась над собой. Срок был еще слишком маленьким, чтобы фигура как-то изменилась.

Она вытерлась и собралась уже повесить полотенце, когда зазвонил домофон, извещая, что кто-то стоит внизу, в фойе. Неожиданный резкий звук разрезал тишину квартиры, как режет масло горячий нож, разрушив умиротворенность хозяйки. Швырнув

полотенце на край ванны и схватив с крючка для одежды банный халат, она поспешила в крохотную кухню, где на стене висел древний домофон. Прежде чем нажать кнопку и спросить, кто там, Кера заметила время на часах микроволновки: было двадцать три минуты одиннадцатого. Она не заказывала никакой еды, и в ее жизни был лишь один человек, который мог прийти в такой час (хотя раньше он всегда предварительно писал ей или звонил и почти никогда не появлялся в выходные), так что сомнений насчет личности позднего гостя у нее практически не было. Впрочем, визит не взволновал ее: перед тем как отправиться в постель, она постаралась настроиться на спокойствие.

— Это я, — сказал тот самый мужской голос, который ожидала услышать Кера.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она, наклонившись к домофону. Переговорную кнопку устаревшего устройства приходилось нажимать каждый раз, когда она говорила, и отпускать, чтобы выслушать ответ.

— Прости, что так поздно, но мне нужно с тобой поговорить.

— Я только что из душа вылезла. Давай завтра, примерно в обед?

— Мне нужно поговорить с тобой сейчас. Я передумал и хочу все тебе рассказать. Мне просто необходимо поделиться с тобой.

Кера помолчала, хоть у нее и зачастил пульс. После всего, что было сделано и сказано за последний месяц, она понятия не имела о том, что он подразумевает, говоря, что передумал. Догадки у нее были, но не выдает ли она желаемое за действительное?

В конце концов, вот уже несколько недель он высказывался с причиняющей боль ясностью и весьма последовательно. С другой стороны, если он хочет сказать именно то, на что она надеется, это меняет все.

— Что значит «передумал»? — наконец спросила она, решив уточнить: не хотелось давать волю надеждам, которые опять разобьются о пресловутые скалы.

— Я понял, что ты все время была права, а я ошибался. Просто мне потребовалось время, чтобы разобраться. А теперь нужно отпраздновать!

— Отпраздновать? — переспросила Кера, чтобы убедиться, правильно ли расслышала последнее слово.

— Да, отпраздновать. У меня всё с собой.

Стараясь сдержать восторг, она нажала на открывающую дверь кнопку и бросилась обратно в ванную, на ходу натягивая халат: разговаривая по домофону, она стояла голая и прижимала халат к груди. В ванной Кера схватила расческу и попыталась привести в порядок мокрую копну волос. Из этого ничего не вышло. Она понимала, что выглядит ужасно, но времени исправить положение не было. Затянув пояс халата и совершив еще одну безуспешную попытку сладить с волосами, Кера направилась к входной двери и стала возиться с многочисленными замками и цепочками, которые поставила хозяйка квартиры. Едва она покончила с этим, как в дверь постучали условным стуком.

Глянув на всякий случай в глазок, Кера открыла дверь. На госте были темная фетровая шляпа и темное пальто, которых она никогда раньше не видела. Прежде чем ей удалось поприветствовать мужчину, тот влетел в квартиру, закрыл за собой дверь и заключил

Керу в объятия, от которых захватило дух. Лишь после этого он поставил принесенный пакет с покупками на стол, снял шляпу и пальто и швырнул их на диван.

— Я уже сказал, нужно праздновать! — торжественно объявил он, после чего извлек из пакета пару роскошных хрустальных бокалов для шампанского, охлажденную бутылку розового просекко в термоупаковке и, наконец, небольшую пачку коктейльных салфеток. — Полюбуйся! — сказал он, с видом опытного сомелье демонстрируя бутылку.

— Так, — сказала Кера, читая броскую черную этикетку, — «Бортоломиол Филанда», розовое игристое. Никогда о таком не слышала.

— Великолепное вино, — гордо заметил мужчина, — и достать его безумно трудно.

— А что именно мы празднуем? — неуверенно спросила Кера, пока он возился с удерживающей пробку проволокой.

Его ответ был как раз таким, на который она надеялась и рассчитывала изначально, когда сообщила свою новость. Тогда он отреагировал совсем по-другому, и ее это раздавило.

— Мы празднуем всё! — триумфально провозгласил он. — Дело в том, что ты была права, а я заблуждался. Произошло настоящее чудо, которому суждено было случиться. Просто я в первый момент сгоряча этого не понял.

Кера могла бы указать, что «первый момент» слишком уж затянулся: строго говоря, их конфронтация длилась почти целый месяц. Однако она ничего не сказала из страха нарушить очарование момента, созданное энтузиазмом любовника. Раздался

громкий хлопок: пробка вылетела из бутылки, и над горлышком появилась розоватая пена.

— Как ты и говорила, жизнь — слишком драгоценное чудо, чтобы ей не радоваться. — Он налил пузырящееся вино в два бокала.

— А как же твоя жена? — заставила себя Керу задать неудобный вопрос.

— Она в прошлом, — просто ответил он, вручив ей бокал и поднимая свой.

Тишину комнаты огласил мелодичный звон, когда они чокнулись. Следуя примеру мужчины, Керу сделала большой глоток просекко, оказавшегося вкуснее любого вина, которое ей доводилось пробовать. Почти месяц назад она приняла решение избегать алкоголя, но сейчас был особенный момент. В последние несколько недель они с любовником несколько раз спорили и ссорились, обсуждая будущее, и она смирилась с тем, что позиции у них диаметрально противоположные. Его внезапный разворот на сто восемьдесят градусов вызвал у Керу восторг. Время для празднования было самым подходящим.

— Давай присядем и насладимся вином, — предложил мужчина, указав на диван, и переложил пальто со шляпой на кресло без подлокотников. — Оно производится в итальянской части Венето, — добавил он и потянул Керу за рукав халата к дивану, вынуждая сесть.

— Вкусно, — сказала Керу.

Она понятия не имела, где находится Венето, предполагая, что это где-то неподалеку от Венеции, но не стала расспрашивать, потому что по большому счету ей было все равно. Замечание о достоинстве вина она нашла справедливым и, сев, сделала еще

один большой глоток, получая от пузырьков не меньше удовольствия, чем от мягкого, тонкого вкуса напитка. Кера не питала особой любви к игристому и всегда удивлялась ажиотажу вокруг него, как и цене бутылок, но сейчас вкус и правда показался ей восхитительным, заставляя задуматься, что сыграло главную роль: само вино или ее радостное настроение. Как бы то ни было, Кера наслаждалась происходящим. Конечно, у нее был миллион вопросов, но они могли немного подождать.

Мужчина продолжал болтать о просекко и Венето в Италии, не обращая внимания на отсутствие у нее интереса к этой теме, и она сделала еще глоток вина, на мгновение задержав его во рту. Восхитительное ощущение. Кера упивалась охватившим ее чувством чудесной расслабленности, так не похожим на гнетущие мысли, с которыми она боролась весь месяц. Но потом пришло головокружение, уже не такое приятное. Хотя мужчина все еще говорил, его слова утратили всякий смысл. Одновременно зрение затуманилось. Моргая, чтобы разогнать пелену перед глазами, она поставила бокал и попыталась встать, но ноги отказывались служить.

— У тебя все нормально? — спросил мужчина, поставив свой бокал на столик.

— Вроде бы да, — умудрилась произнести Кера, но ответ прозвучал невнятно. — Я просто вдруг очень устала...

Фраза прервалась на полуслове, а сама Кера медленно осела обратно на диван, откинув голову на спинку. Глаза у нее закрылись, рот, наоборот, открылся, а дыхание замедлилось.

Глава 1

8 мая, 5:49

Глаза Лори Монтгомери-Стэплтон внезапно открылись куда раньше обычного, хотя Джек и не толкал ее в плечо. Она не помнила, когда в последний раз ни с того ни с сего пробуждалась в такое время. В голове сразу закружились мысли, потому что день предстоял особенно загруженный. На самом деле, загруженный до такой степени, что она намеревалась переговорить с Джеком, безмятежно спавшим рядом, и препоручить ему хотя бы одно дело, причем не слишком простое. На прошлой неделе Лори согласилась прийти в школу Джека-младшего, четвероклассника, чтобы встретиться с его учительницей мисс Росси и, возможно, психологом. Им предстояло обсудить якобы плохое поведение сына, его агрессию на школьной игровой площадке во время переменок и другие ситуации, связанные с импульсивными поступками ребенка. Зная, что муж в подобных ситуациях склонен проявлять скорее раздражительность, чем дипломатичность, Лори даже не заводила с ним разговор на эту тему, рассчитывая разобраться с проблемой самостоятельно, благо сомнений в том, что у сына все в порядке, у нее не возникало. Но теперь Джеку-старшему предстояло взять это на себя, поскольку у Лори возникли новые неотложные дела: работа требовала ее присутствия в городском совете.